

Источниковедческую базу исследования составляют новые, лишь частично опубликованные археологические материалы, добытые в процессе раскопок Бактрийской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1972-1986 гг. городища Зартепа, расположенного в Сурхандарьинской области Узбекистана. В античный период эта территория входила в состав Бактрии-Тохаристана.

Актуальность и научная новизна работы заключается во введении в научный оборот обширных материалов, позволяющих характеризовать многие аспекты городской культуры Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени. Важность этих материалов для изучения историко-культурных процессов в Средней Азии, учитывая недостаточную изученность памятников этого времени, трудно переоценить. Особый интерес для формирования и изменения культуры этого периода представляют сасанидские инновации, появившиеся после завоевания бывших кушанских территорий Сасанидами. Впервые в сравнительно широких рамках рассматривается проблема формирования культурного слоя и циркуляции в нем археологических материалов. Эта проблема существенно влияет на возможности решения вопросов абсолютных и относительных датировок.

Практическое значение работы. Основные выводы и материалы диссертации использованы при написании обобщающих разделов по археологии и истории Средней Азии (Археология СССР, Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии), при чтении лекций студентам гуманитарных ВУЗов и при организации временных и постоянных выставок в музеях.

Апробация работы. Результаты исследований многократно обсуждались на заседаниях Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, а также докладывались на различных конференциях: Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (Самарканд 1979), Бактрия_Тохаристан на древнем и средневековом Востоке (Москва 1983), Мерв в древней и средневековой истории Востока II (Культурные взаимодействия и связи Тезисы докладов) (Мары 1991).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, и списка использованной литературы. Иллюстративная часть диссертации представлена альбомом.

Во введении обоснована актуальность темы, рассмотрена степень ее изученности, очерчен круг проблем и задач, требующих решения. Здесь же приведена краткая информация по исторической интерпретации кушано-сасанидского периода и дана оценка

возможностей различных источников для реконструкции событий, происходивших в Бактрии-Тохаристане в III-IV вв н. э.

В главе I изложена история археологического изучения городища Зартепа и дана его характеристика. Этот памятник площадью 16,9 га расположен в Сурхандарьинской области Узбекистана, в 26 км к северо-западу от г. Термеза. В рельефе квадратного в плане (400 x 400 м) городища наблюдаются отдельные всхолмления, представляющие собой остатки древних строений и кварталов. В северо-восточном углу городища, обособлено, располагается квадратная в плане (120 x 120 м) цитадель, отделенная от города оборонительной стеной, которая значительно выше стен, окружающих городище. Не исключено, что цитадель имела ворота в середине северо-северо-западного фаса ее оборонительной стены. В северо-восточном углу цитадели возвышается отдельное сооружение типа замка, построенное на гребне оборонительной стены и относящееся к финальному периоду обживания этой части древнего города. В юго-восточном углу городища находится квадратное сооружение (60 x 60 м), расположением и формой напоминающее цитадель, и, возможно, по изначальному плану выполнявшее функцию углового форта для усиления охраны городских ворот. Сходство цитадели и форта еще более подчеркивается почти одинаковым расположением близ них въездов на территорию города. Двое ворот, находящихся, соответственно, у юго-восточного угла цитадели и северо-восточного угла форта, обеспечивали доступ в город с востока-северо-востока. Другие двое ворот, располагающиеся у северо-западного угла цитадели и юго-западного угла форта, позволяли въехать в город с северо-северо-запада и юго-юго-востока. Остатки еще одного въезда с западной-юго-западной стороны наблюдаются в 100 м к северо-северо-западу от юго-западного угла городища. Таким образом, исходя из рельефа городища, можно предполагать существование не менее 5 въездов в город. Рельеф памятника близ въездов значительно ниже застроенных участков города, что предполагает наличие улиц.

Первое археологическое обследование городища Зартепа провел Л.И. Альбаум в 1950–52 гг. В эти годы в процессе изучения памятника был снят его глазомерный план, а в восточной-северо-восточной четверти городища заложен стратиграфический шурф. Кроме того, на поверхности городища было собрано свыше 300 медных монет, несколько антропоморфных и зооморфных статуэток, а также фрагменты орнаментированной керамики. Относительно крупные размеры городища и наличие сельской округи позволили предположить, что Зартепа в древности мог быть центром земледельческого оазиса (Альбаум 1960).

Осенью 1972 г. раскопки городища Зартепа были возобновлены Бактрийской экспедицией ЛО АН СССР (ныне ИИМК РАН). Основным объектом изучения в том полевом сезоне стало здание дворцового характера (раскоп 1). Исследованная часть дворца состояла из двух залов (четырёхколонного и двенадцатиколонного) и вспомогательных помещений, находившихся к северо-северо-западу от них. В залах зафиксировано два уровня полов и найдены базы колонн. На верхнем полу отмечены следы перепланировки. Предварительная датировка погибшего при пожаре дворца — «кушанское время» нуждается в корректировке, учитывая, что дворец относится к финальному периоду обживания центральной части города (Щетенко 1974).

В том же полевом сезоне было начато изучение фортификации Зартепа. С этой целью на северо-северо-западном фасае оборонительной стены городища была заложена траншея (раскоп 2), прорезавшая часть стены от ее гребня до подножия. Верх оборонительной стены был нарушен при постройке здания с алтарем, располагавшегося частью на стене, частью внутри города. Исследование здания, оказавшегося буддийским святилищем, было продолжено В.Н. Пилипко в 1973 г. Раскопанная часть постройки позволила исследователю сделать вывод о том, что в период функционирования святилища городские стены на этом участке города, находились в запустении и, что сооружение святилища приходится на последний период обживания города.

В 1973 г. проведены раскопки жилого комплекса на раскопе 3, заложенном в северо-западной четверти городища (Завьялов, Осипов 1976). Так же как и буддийское святилище, это жилище датировано III–IV вв. н. э., а его сооружение и функционирование отнесено к финальному периоду существования этой части древнего города.

В 1973–74 гг. было продолжено изучение фортификации города. На раскопе 4, заложенном на восточном-северо-восточном фасае оборонительной стены, был осуществлен разрез самой стены и прилегающих к ней со стороны городища культурных напластований, а также исследованы башни, внутрибашенные помещения и бойницы. По итогам раскопок было высказано предположение о четырех периодах функционирования стены, характеризующихся перестройками. Самый ранний период ориентировочно датирован I в. до н. э., а последний отнесен к IV в. н. э. Стратиграфия разреза была сопоставлена со стратиграфией шурфа, заложенного в северо-западном углу четырехколонного зала дворцового комплекса на раскопе 1.

Раскопки шурфа (6x4 м), предпринятые с целью получения дополнительных сведений о стратиграфии городища, проводились в 1974 г. Глубина шурфа — 6,5 м., из них 5,5 м. представлены культурным слоем, учитывая ямы, выкопанные в материковом

грунте. По строительным остаткам, зафиксированным в разрезе шурфа, было выделено 8–10 строительных горизонтов (Массон 1976).

Начиная с 1975 г., в течение 11 полевых сезонов в юго-юго-восточной четверти городища исследовался жилой квартал на раскопе 6. Изучение его застройки проводилось одновременно по двум горизонтам: верхнему (I) и нижнему (II). Параллельно с раскопками жилого квартала в 1978 г. был осуществлен разрез культурных напластований примыкающей к кварталу улицы (раскоп 9). Он был заложен во впадине между двумя холмами, ограничивавшими улицу с северо-северо-запада («дворцовый» холм) и юго-юго-востока (холм «жилого квартала»). Помимо данных о культурных напластованиях одной из городских улиц, в процессе раскопок были получены дополнительные сведения о стратиграфии обоих холмов.

В период с 1976 по 1978 гг. включительно в раскопках городища Зартепа принимал участие отдельный отряд ИА АН СССР и МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Г.А. Кошеленко. Отряд изучал дворец (раскоп 1), а также постройки, расположенные к северо-северо-востоку и востоку-северо-востоку от двенадцатиколонного зала дворца и часть его юго-юго-восточного айвана.

В 1977 г. в северо-северо-западной четверти городища отряд Ш.Р. Пидаева (Институт археологии АН Узбекской ССР) начал раскопки нового объекта — «хозяйственно-жилого комплекса» (раскоп 8), где исследовано 20 помещений. Постройка отнесена к концу IV в. н. э., к финальному периоду обживания этой части древнего города (Пидаев 1988).

В том же полевом сезоне Ш.Р. Пидаев проводил раскопки строений верхнего строительного горизонта углового форта (раскоп 7). На этом раскопе были изучены остатки 12 помещений, группирующихся вокруг двора, который располагался в центре холма. По предварительной оценке здание представляло собой «военный форпост». В помещении 1 была обнаружена живопись с изображением птицы, держащей в когтях женское божество.

В 1979–1981 гг. Т.Д. Аннаев (Институт археологии АН Узбекской ССР) исследовал замок, возведенный на гребне оборонительной стены цитадели городища, в ее северо-северо-восточном углу (раскоп 10). В процессе изучения замка было исследовано 13 помещений и зафиксировано два строительных периода, датированных серединой V – серединой VI вв. В поле деятельности отряда Т.Д. Аннаева попала и округа городища Зартепа. В 1978–1979 гг. он раскопал сельское поселение Куев-курган, расположенное в 300 м к востоку от восточного-северо-восточного угла Зартепа (Аннаев 1984), а в 1978 г.

— загородную буддийскую ступу, находившуюся в 300 м к северо-востоку от восточного-северо-восточного фаса оборонительной стены Зартепа и в 200 м к северо-северо-западу от Кув-кургана.

В 1981-1982 гг. группа К. Абдуллаева (Институт археологии АН Узбекской ССР) изучала застройку, по-видимому, еще одного жилого квартала, расположенного в юго-юго-западной четверти городища Зартепа (раскоп 11). Раскопано свыше 10 помещений и часть внутреннего двора, относящихся к финальному периоду обживания этой части древнего города.

В полевом сезоне 1985 г. одновременно с исследованиями жилого квартала (раскоп 6) проводились раскопки на новом объекте — раскопе 12, расположенном в 40 м к западу-юго-западу от четырехколонного зала дворца и в 60 м к востоку-юго-востоку от раскопа 3. На площади 190 кв. м. исследованы остатки шести помещений. На данном объекте также были зафиксированы перестройки, позволяющие говорить о двух периодах обживания постройки на последнем этапе существования города.

Еще один объект (раскоп 13), изучавшийся параллельно с исследованиями раскопа 6, заложен в юго-юго-восточной части цитадели городища в 1986 году. Цель произведенной зачистки верхнего слоя на глубину 20 см - получить материалы для определения финального периода обживания территории собственно цитадели, чтобы сопоставить их с данными, полученными при изучении замка и городища. После 1986 г. исследования на городище Зартепа были прекращены.

Подводя итоги первого этапа исследований группы памятников, расположенных в районе современного поселка Ангор, Л.И. Альбум связал судьбы некоторых из них с историческими событиями, известными из сообщений армянских, римско-византийских и китайских письменных источников. Строительство городов на месте современных городищ Зартепа и Хайрабадтепе было отнесено к «первым векам до н. э.». Дальнейшее обживание этих городов происходило под властью кушан до середины III в. н. э., после чего они были оккупированы Сасанидами вплоть до первой четверти IV в. Позднее, до 617 г. этот район находился в руках хионитов и эфталитов. Разрушение некоторых населенных пунктов ангорского оазиса соотносится автором с тюркским завоеванием 567 г., а окончательное запустение в период раннего средневековья связывается с походом сасанидских войск, возглавляемых Смбагом Багратуни, в 617 г., вследствие чего была разрушена Зангская оросительная система, обеспечивавшая жизнь оазиса.

Итоги второго этапа исследований на городище Зартепа наиболее полно обобщены в серии работ В.М. Массона. Часть выводов Л.И. Альбаума подверглась

корректировке. Основание города, отнесенное ранее к III–II вв. до н. э., было несколько «омоложено» и соотнесено с активизацией строительной деятельности в юэчжийский период. В качестве фундамента «омоложения» до I в. до н. э. использовались результаты стратиграфических наблюдений в шурфе на раскопе 1 и в разрезе оборонительной стены на раскопе 4, в ходе которых был получен комплекс керамики времени основания древнего города, а также использована методика подсчета возраста городища по строительным горизонтам, при условии, что каждый из них существовал около 50 лет (Массон 1976).

Слои времени правления династии Великих Кушан на городище Зартепа исследовались в ограниченных масштабах только в стратиграфических разрезах и в ходе изучения оборонительных сооружений. Значительно лучше изучены культурные напластования финального периода городища, что по результатам раскопок 1972-1976 гг. позволило выдвинуть тезис о периоде политической стабилизации, возможно, связанном с ослаблением влияния Сасанидов и усилением местных правителей в последней трети IV в. (Массон 1977).

Большое внимание В.М. Массон уделил характеристике и интерпретации зартепинского археологического комплекса позднекушанского времени в обобщающей работе, посвященной анализу археологических материалов материалов Северной Бактрии и опубликованной в одном из томов «Археология СССР». На фоне более ранних комплексов, представленных артефактами Халчаяна, Дальверзина и других памятников, хронологические рамки зартепинского комплекса определяются с опорой на каратепинские материалы в пределах IV в. с оговоркой, что какие-то его проявления частично можно связать и с последней четвертью III в. (Массон 1985).

Что касается хронологических границ комплексов, которые могли бы уточнить время обживания населенных пунктов Бактрии-Тохаристана, то они не настолько четко выявлены. Если отталкиваться от исторической периодизации, то рамки греко-бактрийского комплекса, видимо, следовало бы ограничивать временем существования Греко-Бактрии. В археологическом контексте начало этого комплекса выражается в появлении греческих инноваций в архитектуре, керамике, монетном чекане, металлических изделиях и др., то есть начальная фаза исторической периодизации и формирования археологического комплекса в данном случае совпадают. Кроме того, монеты в совокупности со сведениями письменных источников позволяют различать селевкидские и греко-бактрийские комплексы, а остальные, менее зависящие от политической ситуации и консервативные по своей природе артефакты, такой

информации часто не содержат. Показательна разработанная Э.В. Ртвеладзе для Северной Бактрии периодизация, основанная на государственно-династическом признаке, которая насчитывает 5 периодов и 4 соответствующих им комплекса, первый из которых — «селевкидский и греко-бактрийский» (Ртвеладзе 1988). Становясь традиционными для данной территории, греческие инновации, насколько можно судить по греко-бактрийскому керамическому комплексу (Седов 1984), сохраняются и после исчезновения греко-бактрийского государства.

Если считать, что воспроизведение всех элементов греко-бактрийских и кушано-сасанидских археологических комплексов связано с самим существованием Греко-Бактрии и Кушаншахра, то падение обоих политических образований должно было нарушить действие факторов, способствовавших такому воспроизведению. Это проявляется прежде всего в монетном чекане: на территории бывшей Греко-Бактрии появляются "варварские подражания", исчезает и кушано-сасанидский чекан. В таком случае, видимо, ставить знак равенства между историческими периодами и археологическими комплексами вполне возможно и тогда одним из основных критериев для разграничения археологических комплексов будет служить появление инноваций. Следовательно, после 145 г. до н.э. и после IV в. н.э. мы имеем дело уже не с греко-бактрийскими и кушано-сасанидскими комплексами, а лишь с отдельными элементами их культурных традиций. Сохранение этих элементов в архитектуре и керамическом производстве возможно лишь с сохранением носителей традиции, то есть населения.

В главе 2 приведено подробное описание раскопок городища Зартепе, предваряемое уточнением таких понятий, как строительный и стратиграфический горизонты.

Раскоп 9 представлял собой стратиграфическую траншею длиной 30 м и шириной 2 м, прорезавшую культурные напластования улицы «Магистральной», и, частично, архитектурные остатки «дворцового холма» (раскоп 1), а также холма «жилого квартала» (раскоп 6), расположенных по обе стороны от улицы.

Сопоставление стратиграфии обоих холмов показывает, что количество выделенных внутри них строительных горизонтов не совпадает и что наиболее достоверная их синхронизация возможна по слою, на котором стоят остатки стен, обнаруженные в X ярусе. Шесть стратиграфических горизонтов «дворцового холма», включая горизонт дворца как первый из них, содержавших остатки архитектуры, составляют шесть строительных горизонтов. Седьмой и восьмой стратиграфические горизонты, представленные разновременными ямами, могли бы соответствовать седьмому и восьмому строительным горизонтам при условии, что они являлись жилищами-

землянками первых строителей города. Однако ни одна из ям на раскопе 9 не обнаруживает каких-либо признаков обживания. Выбранный из них грунт, видимо, пошел на изготовление сырцовых кирпичей, а сами ямы вскоре были засыпаны. С другой стороны, слой толщиной от 0,3 до 1,3 м, лежавший в двухступенчатой яме под первыми стенами, возведенными на данном участке города, явно связан с деятельностью его первых строителей, которые должны были жить где-то по соседству, чтобы иметь возможность заполнить ямы мусором. Это обстоятельство гипотетически предполагает существование седьмого строительного горизонта, видимо, представленного постройками на соседних участках города. Что касается восьмого стратиграфического горизонта, выделенного выше, то он, несмотря на то, что явно предшествует двухступенчатой яме, вряд значительно ранее, учитывая возможную интенсивность засыпки ям. В любом случае данные, полученные при исследованиях на раскопе 9 и в шурфе 1974 г., почти совпадают.

Несколько иначе обстоит дело с соотношением стратиграфических и строительных горизонтов на холме «жилого квартала». Здесь, учитывая третий и шестой стратиграфические горизонты, в которых не зафиксированы строения, выделяется восемь строительных горизонтов. Результаты стратиграфических исследований обоих холмов в равной степени позволяют утверждать, что сооружению первых строений на этом участке предшествовал длительный промежуток времени, когда территория будущей улицы, видимо, использовалась для выемки грунта, предназначавшегося для строительных целей.

Исследования культурных напластований улицы дают основания утверждать, что ее поверхность мостили не менее семи раз. На уровне третьего строительного горизонта «дворцового» холма и четвертого горизонта холма «жилого квартала» ширина ее достигла максимальных размеров - 12 м (седьмой уровень мостовой). Ниже, на уровне IV-го и VI-го строительных горизонтов обоих холмов (четвертый-шестой уровни мостовых), ширина улицы колеблется в пределах 11,2-11,6 м. В период существования первого-третьего (нижних) уровней мостовых, заполнение между ними однородно либо состоит из вымосток сырцового кирпича, что указывает на заботу городской администрации о состоянии улицы. Выше, на четвертом-седьмом уровнях мостовых в заполнении между ними появляются зольные и гумусные прослойки, хотя и не очень значительные по толщине.

Раскоп 6 был заложен с целью изучения внутригородской жилой застройки финального периода существования города. Для раскопок был выбран неправильных очертаний холм, расположенный в юго-юго-восточной четверти городища. Он имеет вытянутую в плане форму и ориентирован длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ. Длина его

достигает 190 м, ширина на разных участках колеблется от 60 до 80 м. Восточная-северо-восточная оконечность холма вплотную примыкает к восточному-северо-восточному фасу оборонительной стены. Юго-юго-восточный край холма, постепенно понижаясь на 3 - 4 м, выходит на участок городища шириной 40-50 м, расположенный вдоль юго-юго-восточного фаса оборонительной стены. Часть этого участка, видимо, служила улицей, идущей от городских ворот, располагавшихся близ форта. Западная-юго-западная оконечность холма выходила на улицу, идущую от центральной (?) площади на юго-юго-восток. Северо-северо-западный край холма тоже ограничен улицей, исследовавшейся на раскопе 9. Однако в период обживания жилого квартала в I, II и, возможно, III строительных горизонтах улица «Магистральная», судя по уже упоминавшейся «перемычке» и огромной яме, использовалась лишь частично. Таким образом, микрорельеф городища предполагает ограничение холма «жилого квартала» со всех сторон улицами и переулком.

На обширной площади холма (3700 кв. м) в основном раскопаны два верхних строительных горизонта (I и II, считая сверху). На некоторых участках квартала раскопками затронуты остатки III и IV строительных горизонтов. Постройки верхнего (I) строительного горизонта возведены на забутованных остатках нижнего (II). При этом строители старались, как правило, использовать стены II-го строительного горизонта в качестве фундаментов, надстраивая их, но в ряде случаев, продиктованных иным замыслом планировки жилищ, возводили новые стены во внутренних пространствах старых помещений и дворов. Общие тенденции и закономерности застройки квартала можно наметить лишь по остаткам построек нижнего (II) строительного периода.

Методика раскопок предусматривала исследование заполнения помещений с помощью разрезов, фиксацию находок на полах и в заполнении между ними, разборку стен I-го горизонта и расчистку кладок стен из сырцовых кирпичей. Перечисленные методические приёмы дали возможность для некоторых обобщений, касающихся функционального анализа помещений и соотношения построек I-го и II-го строительных горизонтов.

В пределах квартала на уровне II-го строительного горизонта полностью или частично было исследовано 124 помещения и четыре внутренних двора «А-Г», расположенных по обеим сторонам улицы «Внутриквартальной», разделившей квартал по длинной оси на две неравные части. Ширина улицы колеблется на разных участках от 2,6 до 4,6 м. Длина её по линии ССВ-ЗЮЗ составляет не менее 130 м. Улица поворачивает под прямым углом в юго-юго-восточном направлении сразу же за помещениями 67-69 и

выходит на другую улицу, расположенную между фортом (Р-7) и холмом «жилого квартала». С учетом этого поворота общая длина улицы составляла не менее 145-148 м.

Квартал по обе стороны улицы застроен примыкавшими друг к другу домовладениями. Наличие как минимум четырех дворигов, окруженных связанными системой проходов помещениями, позволяет выделить четыре домовладения, обозначенные литерами «А-Г». Еще два домовладения «Д» и «Е» выделены предположительно по косвенным данным.

К домовладению «А» относятся 22 полностью или частично сохранившихся помещения и двор, расположенные к юго-юго-востоку от улицы, на юго-юго-западном краю квартала (пом.1-5, 7-10, 12, 14-17, 53-55, 58-60, 62, 63 и 11/6 или двор «А»). Система проходов связывала группу примыкавших ко двору помещений 1-5, 7-9, 14-15. В помещении 7 находился выход на улицу. Другая – западная-юго-западная группа комнат состояла из помещений 10, 16-17, 53-55, 58-60, сообщавшихся с улицей отдельным входом через коридорообразное помещение 16. Обособленное положение занимают помещения 63, имевшее выход на улицу, и построенное внутри него помещение 62. Они связаны проходом между собой и с каким-то несохранившимся на краю холма помещением.

Табл. I. Распределение помещений в домовладении «А» по горизонтам¹.

Горизон- ты и полы	П о м е щ е н и я									
	1-5, 9-12, 14-15	6	7а,б	7	8а,б	8	11	17, 53	54-55, 58- 60, 62, 63	Двор «А»
I/1	+	+	+		+		+	?	?	6, 11
I/2	+	+		+		+	+	+	?	6, 11
II/1	+			+		+		+	+	+

С востока-северо-востока домовладение «А» ограничено глухой стеной, располагавшейся между помещениями 1, 8, 12, 5 и помещениями 13, 37, 38. Проход, ведущий в юго-юго-восточном направлении из двора «А» и наличие остатков стен к юго-юго-востоку от помещений 14, 15, 17, позволяют предполагать, что здесь на краю холма располагались несохранившиеся помещения этого домовладения. Не исключено, что и к юго-юго-западу от помещений 59, 60, 63 также располагался ряд комнат. Западная-юго-западная группа

¹ Здесь и далее римскими цифрами обозначены строительные горизонты, а арабскими – уровни полов. Вопросительный знак поставлен там, где предполагается наличие несохранившихся полов.

помещений (16-17, 53-55, 58-60 и, возможно, 62, 63), за исключением помещения 15, по тщательности отделки стен, деталям интерьера и площади большинства из них отличается от группы помещений, сгруппированных вокруг двора. Это позволяет предполагать, что данное домовладение делилось на парадно-жилую и подсобно-хозяйственную части.

Домовладение «Б» (рис. 4, 5, 12 а,б) расположено в восточной-северо-восточной части квартала и состояло из двора «Б» и 14 полностью или частично сохранившихся помещений, связанных проходами в следующие группы: 65, 70, 79; 72-73; 74-76; 71, 77; 67-69. На краю холма намечены остатки ещё не менее чем трех помещений, одно из которых находилось к ЮЮВ от помещения 67, второе - к ЮЮВ от помещения 72 и третье - к ЮЮВ от помещений 75-76. Двор расположен в восточной-северо-восточной части жилища и отделен от Г-образного поворота улицы «Внутриквартальной» одним рядом помещений. Юго-юго-восточная стена двора, находившаяся на краю холма, не сохранилась, вследствие чего трудно судить о его площади (исследованная часть составляет 56 кв. м). В I-ом строительном горизонте двор утрачивает свое значение, в его внутреннем пространстве возводится помещение 66, что напоминает перестройку двора «А». Следует отметить, что оба торца северо-северо-западной стены помещения 66 встроены в проходы, ведущие в помещения 68 и 73, расположенные, соответственно, к ВСВ и ЗЮЗ от двора «Б».

Табл. II. Распределение помещений в домовладении «Б» по горизонтам.

Горизонты и полы	П о м е щ е н и я					
	65, 67-73, 75-78	66	79	25-30	74	Двор «Б»
I/1	+	+	?	+	+	66
I/2	+	+	?	+	+	66
II/1	+		+	+	+	+
II/2					+	

Планировочная схема домовладения «Б» II-го строительного горизонта напоминает схему домовладения «А» расположением двора с примыкающими к нему помещениями подсобно-хозяйственного назначения. Помещения 67-69, 71-73, 77 связаны с двором «Б» системой проходов. Группа помещений 67-69, кроме двора, связана с улицей «Внутриквартальной» через помещение 69, в восточной-северо-восточной стене которого был обнаружен проход, заложный сырцовым кирпичом. Вход в дом с улицы был также

открыт в помещении 71. Сохранность архитектуры не позволяет утверждать, что домовладение «Б» подразделялось на подсобно-хозяйственную и парадно-жилую части как домовладение «А». Лишь некоторые признаки могут свидетельствовать в пользу такого подразделения. Сравнение с домовладением «А» допускает включение в границы домовладения «Б» помещений 25, 30, 78, исходя из того, что западная-юго-западная группа помещений домовладения «А» была связана с улицей отдельным входом. Если это так, то западная-юго-западная граница домовладения «Б» должна проходить по стене верхнего строительного горизонта, отделяющей помещения 32, 35 от помещений 31, 33 и уходящей под их полы.

Между домовладениями «А» и «Б» расположено *домовладение «Д»*. Постройки II-го строительного горизонта были исследованы только западной-юго-западной части домовладения, состоявшей из функционировавших одновременно и связанных системой проходов помещений 13, 23/24, 21, 20а, 20б, 37, 19, 22, 64, 38, 98. Попасть внутрь дома со стороны улицы можно через небольшой коридорчик площадью 4,8 кв. м — помещение 21, имевшее выход на улицу с одной стороны и проход в помещение 20а с другой.

Табл. III. Распределение помещений в домовладении «Д» по горизонтам.

Горизонты и полы	П о м е щ е н и я											
	13	20а, 20б, 21	19	22	23 / 24	23, 24, 28, 29	27	37	38	31-36, 39-40	64	98
I/1	+	+	?	?	?	+	+	+	?	+	?	
I/2	+	+	+	+	+		+	+	+	+	?	
I/3										+	?	
II/1	+	+	+	+	+			+	+		+	+
II/2			+	+	+			+	+		+	+
II/3					+						+	+

На противоположной стороне улицы, в северо-восточной части квартала открыто *домовладение «В»*. Пространство между оборонительной стеной и восточной-северо-восточной стеной здания «В» шириной более 6 м, судя по характеру заполнения, представляло собой переулок, что подтверждается проходом, ведущим из него в помещение 164 и в помещения 170 и 173. Наличие здесь переулочка вполне закономерно, если вспомнить о том, что улица «Магистральная» в это время застраивается в своей

центральной части, а улица «Внутриквартальная» не обеспечивала связи домовладения «В» с другими участками древнего города, расположенными к ССЗ от здания.

Табл. IV. Распределение помещений домовладения «В» в I-ом горизонте.

Горизонты и полы	Помещения								
	81-83, 128, 129, 132, 135, 143-146, 159	123, 125, 134	118-124, 130, 150, 151	127, 158	131	141, 155, 138	142	162	157
I/1	+	+	+	?	+	+	+	?	+
I/2	+		+	+	+	+	+	+	+
I/3						+	+	+	

Юго-юго-восточная граница домовладения «В» могла проходить по юго-юго-восточной стене помещения 173 или ещё дальше к ЮЮВ, однако выяснить это не удалось из-за сильного разрушения напластований на этом краю холма.

В пределах домовладения исследованы по II-му строительному горизонту помещения 118, 119, 120/124, 121/122, 123/134, 127, 128/135, 130/139, 131, 133, 136-138, 140-141, 147, 148, 150-152, 154-158, 160-170 и двор «В». Только в I-ом строительном горизонте обживались помещения 81-83, 121, 122, 125, 128, 129, 132, 142-146, 159 и, кроме того, все вышеперечисленные помещения, обозначенные двойными номерами. В помещениях 130/139, 133, 138, 167-170 открыто два-три уровня полов, относящихся к III-му строительному горизонту.

Во II-ом строительном горизонте были связаны системой проходов следующие группы помещений: двор «В», 120/124, 123/134, 150, 151, 164, 174; 140, 152, 158, 161; 141, 154, 155, 162, 118, 119, 128/135, 127, 148; 121/122, 130, 133, 168, 169, 167, 160; 166 и 165. Двор «В» площадью 54 кв. м используется, в отличие от дворов «А» и «Б», без перепланировки на протяжении обоих строительных горизонтов. Тем не менее, в I-ом строительном горизонте планировка данного домовладения претерпевает значительные изменения. Так, помещение 120/124 представлявшее собой хранилище, перегораживается тонкой стенкой, отделившей четыре хума, установленные в его юго-юго-восточной части, на уровне второго пола. Перегораживающие стены построены на уровне первого пола помещения 121/122, на уровне второго пола помещения 128/135, на уровне четвертого пола помещения 130/139 и, кроме того, в помещении 148, над которым построены два помещения 81 и 82. В противоположной манере осуществлялась перестройка, когда над

двумя нижележащими помещениями возводится одно большое. Особенно наглядно этот строительный прием зафиксирован в помещении 159, возведенном над помещениями 164, 165 и 166. При постройке помещения 159 его северо-северо-западная стена сооружена на забутовке соседнего помещения 164, а северо-северо-западные стены нижележащих помещений 165 и 166 используются в качестве одной из сторон его П-образной суфы. Юго-юго-восточные стены нижележащих помещений 165, 166 служат, соответственно, другой стороной суфы. Весьма близкая картина наблюдалась в помещении 132, перекрывавшем помещения 136 и 137, и в помещении 142, возведенном над помещением 154 и частично 155.

Табл. V. Распределение помещений домовладения «В» по горизонтам.

Горизон- ты и по- лы	П о м е щ е н и я											
	128/135, 120/124, 131, 157	136, 137	118, 119, 130, 140, 150, 151, 156, 162, 164	127, 158, 174	121/122	141, 155	138	133, 167 168 169	152	130/139	123/134, 154, 161, 163, 165, 166, 173	148
I/1	+	132	+		121, 122	+	+	+	+	130, 139		
I/2	+	132	+	+	121, 122	+	+	+	+	130, 139		
I/3						+	+		+			
II/1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II/2			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II/3							+	+	+	+		
III/1							+	+		+		

В ходе работ 1976, 1977, 1980 и 1981 гг. исследованы остатки помещений двух верхних строительных горизонтов, относящиеся к *домовладению* «Г», расположенному к ССЗ от улицы, но в северо-западной части квартала. Полностью границы этого дома не выявлены. Можно предполагать, что восточная-северо-восточная его граница проходила по стене, разделяющей помещения 95 и 96, а также по восточным-северо-восточным стенам помещений 104 и 105, проходы в которых в ВСВ направлении не зафиксированы. В центральной части домовладения располагался двор «Г» площадью около 80 кв. м, раскопанный по всей площади только по I-му горизонту на глубину до 0,5 м. Во II-ом строительном горизонте в восточном углу двора зафиксированы верхние грани стен помещения 88.

Табл. VI. Распределение помещений домовладения «Г» по строительным горизонтам.

Горизонты и полы	П о м е щ е н и я													
	18	42, 50, 107, 109	41, 43, 45, 46, 47, 49, 51, 52, 57, 61, 99, 87, 95, 104	101, 102, 106	108	89	90	93, 100	86	42/50, 107/109	112, 114	103, 116, 117	110, 113	115
I/1	?	+	+	+	?	+	?	+	+		?			
I/2	+			+	+	+	?	+	+		?		+	
I/3	+					+	?				+			
II/1	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+		?
II/2	+		+		+	+	+	+	+	+		+		+
II/3					+				+			+		+

Во II-м горизонте системой проходов связаны следующие группы помещений: 18, 89, 90, 93; 86, 87, 95, 99, 100, 103, 104 (?), 105, 107/109, 108, 112, 114-117; 45, 49, 61; 46, 47, 42, 43, 42/50, 51, 52. Входы с улицы зафиксированы в двух коридорообразных помещениях 44 и 56. Некоторые из исследованных в пределах домовладения помещений обжиты на уровне одного или двух полов только в I-ом строительном горизонте. К ним относятся помещения 42, 50, 101, 102, 106, 107, 109, 110, 113. Перепланировка построек проводилась с учетом предшествовавшей планировочной схемы, при этом использовались строительные приемы, зафиксированные и в других домовладениях квартала.

Между домовладениями «В» и «Г», вдоль улицы «Внутриквартальной» раскопано ещё восемь помещений 80, 84, 85, 91, 92, 94, 96, 97. Принимая во внимание, что предполагаемая восточная-северо-восточная граница домовладения «Г» могла проходить по стене, разделяющей помещения 95 и 96, видимо, можно отнести данные помещения к жилищу «Е». Косвенно в пользу такого предположения свидетельствуют два входа со стороны улицы, один из которых вел в помещение 97, другой - в помещение 80. Помещение 80, видимо, имело внушительные размеры, учитывая его протяженность вдоль улицы почти на 10 м. Оно могло использоваться в качестве двора, но подтвердить данное предположение раскопками не удалось, вследствие нарушения границ помещения огромной ямой № 2 с песчаным заполнением.

Резюмируя все вышеизложенное, можно утверждать, что изученный объект представлял собой городской квартал, застроенный блоками, пристроенных друг к другу

многокомнатных домовладений, разделенных, глухими стенами. Дома «А», «Б», «Д», расположенные к ЮЮВ от улицы, имеют меньшую площадь, чем домовладения по другую ее сторону, вследствие того, что улица делит квартал на две неравные части. Самое большое жилище «А» насчитывает 22 в разной степени сохранившиеся помещения, расположенные на площади около 860 кв. м. Протяженность домовладения вдоль улицы составляет не менее 42 метров.

Жилище «Б», при условии, что его западная-юго-западная граница проходит по стене, разделяющей помещения 65 и 78, протянулось вдоль улицы почти на 45 метров. Его сохранившаяся часть насчитывает не менее 17 помещений, что составляет около 550 кв. м. О количестве помещений (полностью или частично раскопано 18), составлявших треть домовладения «Д», судить до окончания исследований не представляется возможным. Можно лишь предположить, что оно занимало площадь около 600 кв. м, а его протяженность вдоль улицы составляла не менее 40 м.

Домовладения «В», «Г», «Е», построенные по другую сторону улицы, существенно превышали по количеству помещений и занимаемой площади домовладения «А», «Б», «Д». В домовладении «В» во II-ом строительном горизонте исследовано 36 помещений, занимавших площадь не менее 1400 кв. м. Что касается дома «Г», то здесь на исследованной по II-му строительному горизонту площади (около 1000 кв. м) зафиксировано к настоящему моменту 31 помещение. Если верно высказанное ранее предположение о помещении 80 как возможном дворе домовладения «Е», то граница между жилищами «В» и «Е» могла проходить на расстоянии одного, максимум двух, рядов помещений к ВСВ от него. В таком случае площадь домовладения «В», исходя из высотных отметок и конфигурации его не исследованной части, может быть увеличена не более чем на 500-600 кв. м. и в общей сложности достигнет 2000 кв. м. Учитывая наличие проходов из помещений 112 и 114 домовладения «Г» в ССЗ направлении и рельеф этой части холма, можно предполагать, что площадь домовладения «Г» также значительно больше раскопанной. Более того, возможное расположение домовладения «Г» на «перемычке» между дворцовым холмом и холмом «жилого квартала» ставит вопрос о соотношении построек на обоих холмах. Как было установлено в процессе исследований на раскопе 9, количество строительных горизонтов на них не совпадает - на холме «жилого квартала» выделено на один горизонт больше. В связи с этим представляют интерес раскопки перед айваном дворца, выявившие наличие построек, возведенных над сгоревшими остатками айвана. Сопоставление этих данных позволяет предполагать, что дворец и жилой квартал сосуществовали лишь во II строительном горизонте. Это

подтверждается также находкой капители, обнаруженной в I-ом строительном горизонте, помещения 15 (домовладение «А»). Капитель, возможно, вторично использовавшаяся жителями квартала после гибели дворца.

Стратиграфические наблюдения на исследованной площади квартала не выявили никаких признаков, свидетельствующих о каком-либо перерыве или запустении между постройками I-го и II-го горизонтов. Все строительные приёмы и материалы, использовавшиеся при перестройках, указывают на полную преемственность строительной традиции. В постройках II-го горизонта квартала, по всей вероятности синхронных существованию и гибели дворца, пока не обнаружены и следы пожара.

Необходимо отметить, что при максимальных условных высотных отметках 10-10,2, зафиксированных до раскопок в уличном пространстве к ССЗ от помещения 1 и близ двора «В», в некоторых помещениях для обоих строительных горизонтов зафиксировано и максимальное количество полов - пять (например, в помещениях 89, 141). Верхний из них лежал непосредственно под слоем самой верхней части культурных отложений, удаляемых в процессе зачистки. В большинстве помещений зафиксировано три-четыре уровня полов, но и условные отметки на данных участках, как правило, составляют 9,8-9,9 м. Вместе с тем, на участках с отметками 9,5-9,6 м чаще было обнаружено по два уровня полов (ближе к краям холма и над помещениями домовладения «Е»). Если учитывать выявленные в некоторых из этих помещений следы перестроек или впущенные с более верхних полов хумы, то следует предполагать, что эти комнаты также существовали в I-ом горизонте. Доказательства функционирования помещений далеко не всегда удавалось обнаружить при столь незначительной сохранности строений. Перестройка большинства помещений квартала соотносится с отметками 8,9-9,0 м во II-ом строительном горизонте, а в I-ом горизонте — с отметками 9,5-9,6 м. Необходимо учитывать, что это лишь тенденция, наблюдающаяся в большинстве, но не во всех помещениях. Примером, иллюстрирующим такое исключение, может служить помещение 165 (домовладение «В»). Оно расположено под остатками помещения 159 (I-ый строительный горизонт), что дает основания относить его ко II-му горизонту, несмотря на то, что два уровня полов, зафиксированные внутри него по условным отметкам скорее соответствуют III-му горизонту. Если бы при последующих перестройках была разобрана ступенька, ведущая к порогу в помещении 166, то археологическими методами было бы невозможно решить вопрос к какому горизонту относится нижний пол помещения 165.

К III-му строительному горизонту, исследованному в ограниченных масштабах в пределах домовладения «В», относятся пятый-седьмой уровни полов в помещениях

130/139, 133, 138, 168-170 (табл. V). На уровне восьмого пола помещения 133, возможно начинается IV строительный горизонт. Следовательно, в пределах квартала на протяжении I-III-го строительных горизонтов насчитывается не менее восьми этапов обживания. В III-ем строительном горизонте планировочная структура квартала кардинально меняется и улица «Внутриквартальная» утрачивает свои функции. Остатки помещений 170 и 172 III-го и IV-го горизонтов, расположенные к ВСВ от помещений 67-69 домовладения «Б» находились под культурными напластованиями улицы «Внутриквартальной».

Закладка проходов некоторых помещений на уровне верхних полов и сохранившиеся части разрушенных стен высотой 10-15 см, зафиксированные и в помещениях, и во внутреннем пространстве улицы, явно указывают на былое существование несохранившихся построек еще одного (верхнего) строительного горизонта, почти полностью уничтоженного дефляцией.

Раскоп 12 находится почти в центре городища, в 40 м к ЮЗ от четырехколонного зала дворца и в 60 м к востоку от раскопа 3. Рельеф этой части городища имел условные отметки в основном 9,7, но над помещением 1 наблюдалось незначительное повышение до отметки 10,0 м. В процессе раскопок на площади около 200 кв. м исследованы остатки шести помещений, относящихся к двум строительным горизонтам. Помещения 1, 4, 6, раскопаны по уровням полов I-го горизонта, тогда как помещения 2, 5 и, отчасти, 3 до уровня полов II-го горизонта. Следует отметить, что на уровне первого пола все три последних помещения функционировали и в I-ом горизонте. Проходы, ведущие из всех этих помещений, указывают на возможность существования и здесь многокомнатного домовладения, возможно, даже составлявшего часть ещё одного городского квартала. Восточная-северо-восточная граница домовладения (или квартала?), скорее всего, могла проходить по улице, разделявшей его и дворец, что не противоречит микрорельефу городища. Микрорельеф не исключает и вероятность того, что постройки на раскопах 3 и 12 (рис. 2) могли составлять один квартал, но этот вопрос пока остается открытым.

Раскоп 13 площадью 120 кв. м заложен в 1986 г. внутри цитадели для определения времени финального периода ее застройки. Зачистка верхнего слоя на глубину 10-25 см. обнаружила скопление фрагментов керамики, перекрывавшее остатки архитектуры или находившееся внутри двора. Отсутствие остатков построек не позволяет уверенно относить все керамические фрагменты к финальному периоду застройки цитадели. Было расчищено только одно скопление, давшее сравнительный керамический материал.

Глава 3 посвящена изучению различных артефактов, характеризующих городскую культуру финального периода существования Зартепа. В их числе исследуются архитектура, строительные приемы и материалы; антропоморфная и зооморфная терракота; гипсовая скульптура; изделия из рога, кости и раковин; металлические изделия; надписи на керамике и монеты. Систематизация артефактов обусловлена как материалом, из которого они изготовлены, так и их функциональной принадлежностью.

§ I. Характеристика строительных приемов, материалов и застройки.

Строения городища Зартепа построены в весьма древней традиции частичного сноса обветшавших домов и возведения на их забутованных остатках новых построек. Эта широко распространенная практика выработала ряд приемов, оказавших влияние на формирование культурного слоя в помещениях, дворах и на улицах. Интересные данные для понимания этого процесса дают ямы, обнаруженные в ходе работ на раскопах 6 и 9. Глубокая и большая яма (раскоп 9), прорезавшая напластования улицы «Магистральной», была засыпана мусором, который относится к финальному периоду обживания городища. Эта яма, которую использовали как свалку, образовалась в результате выемки грунта, представлявшего собой культурный слой раннего времени. В данном случае правомерно поставить вопрос: для чего мог использоваться этот грунт?

Во-первых, он мог служить для изготовления сырцовых кирпичей. Подобная практика существовала в Средней Азии, по крайней мере, с эпохи бронзы. Часть зартепинских кирпичей также сформована из культурного слоя. Во-вторых, его могли использовать для приготовления глиняного раствора. Этот прием характерен для кушанских и парфянских построек. В-третьих, этот грунт мог использоваться в качестве заполнения помещений при периодическом повышении уровней их полов. Уровни полов помещений, исследованных на разных объектах городища, неоднократно повышались в большинстве случаев на 20–40 см, что было вызвано опережающими темпами роста культурного слоя во дворах и на улицах. Было подсчитано количество грунта, необходимое для повышения уровней полов на 30 см в помещениях домовладения «В», предполагаемая площадь которого около 2000 кв. м. Из этой площади необходимо вычесть площади стен, суф, помещений, где подъем уровня пола осуществлялся сплошной выкладкой сырцового кирпича, а также двора, где накопление культурного слоя связано скорее с хозяйственной, деятельностью. Сюда же следует присовокупить пространственные объемы, занимаемые оставленными сосудами, очагами, зернотерками и др. Все это составляет 1/5–1/4 части площади домовладения «В». Следовательно, остальные 3/4 его площади составляют около 1500 кв. м, на которые потребовалось бы не менее 500 кубометров грунта.

О масштабах выборки грунта, предназначенного для строительных целей, можно судить по результатам исследований на раскопе 5 городища Гяур Кала в Старом Мерве, где также обнаружены огромные по размерам ямы, заполненные песком. (Hertman, Kurbansakhatov and Simpson 1996)

Иной прием, с помощью которого обитатели Зартепа поднимали уровни полов помещений, а отчасти и улицы «Магистральной», — закладка пространства между полами сырцовым кирпичом, что применялось реже (около 10% от числа раскопанных помещений в жилом квартале на Р-6).

Обожженный кирпич квадратной реже прямоугольной формы при строительстве использовался в ограниченных масштабах. Им вымощен третий уровень пола помещения 1 в жилище «А» (предполагаемая баня) и проход на уровне первого пола, ведущий из помещения 9 в помещение 11. Обожженный кирпич применяли и в качестве подсобного материала при сооружении очагов, зернохранилищ, из него выкладывали основания для опорных стоек, поддерживавших перекрытие. Дополнительные данные о характере перекрытий дают размеры исследованных помещений, относящихся к разным домовладениям. Максимальная длина пролетов едва ли значительно превышала 6 метров, насколько об этом свидетельствуют подквадратные помещения 10 и 99 (домовладения «А» и «Г» соответственно).

Отделка стен помещений производилась саманной штукатуркой, которой, в большинстве случаев, одновременно промазывали и пол. В тех случаях, когда на этих полах возводили суфы, их также штукатурили, причем как по горизонтальным, так и по вертикальным поверхностям. Поверх саманной штукатурки иногда наносили белую ганчевую или зеленоватого оттенка обмазку, что более характерно для помещений жилого и парадного назначения, однако строгой закономерности при этом не наблюдается, хотя тенденция проявляется отчетливо.

В интерьере помещений довольно широкое распространение получают суфы. В большинстве случаев они возведены из сырцового кирпича на высоту не более 0,5 м вдоль одной, двух, трех и даже четырех стен помещений. В некоторых случаях в качестве суф намеренно использовали снивелированные остатки стен предыдущего строительного горизонта как, например, в помещениях 150 и 159 домовладения «В» в I-ом строительном горизонте. При раскопках квартала отмечены и противоположные ситуации, когда суфы надстраивали и использовали в качестве фундаментов новых стен. При этом иногда происходит удвоение толщины стен помещения (помещения 23/24 и 65). Неоднократно отмечены также случаи использования суф и их частей как порогов или ступеней перед

порогами (помещения 108, 116, 140, 152, 155).

На территории Бактрии-Тохаристана в кушанскую эпоху, судя по раскопкам таких ранних памятников, как Мирзакултепа (Пидаев 1978), Хатын-рабад (Пугаченкова 1973), Дальверзин-тепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978), «малого дома» в пригородной зоне Дильберджина (Пугаченкова 1976) суфы встречаются редко и возводятся вдоль одной из стен (I-образные). Суфы вдоль двух (Г-образные) и трех (П-образные) стен появляются, как показывают раскопки Кампыртепа, во II в. н. э. К этому же времени, возможно, относится и появление Т-образных суф с прямоугольным выступом (Русанов 2000). При раскопках квартала на Зартепа I, Г, П и Т-образные суфы (помещения 43, 62, 66) фиксируются сравнительно часто и они, что подчеркивает процесс развития, разнообразны по форме.

На территории Кашкадарьинского Согда в Еркургане в помещениях квартала ремесленников, относящегося к III-VI вв. н. э., также обнаружены I, Г и П-образные суфы (Сулейманов 2000). В эпоху раннего средневековья суфы получают еще более широкое распространение в Тохаристане (Соловьев 1997) и на сопредельных территориях Самаркандского Согда (Распопова 1990) и Хорезма (Неразик 1986).

Очаги в домах Зартепа можно подразделить на два типа: I - очаги-подиумы, П - очаги с округлой ямкой в центре. Очаги типа I преимущественно устроены в парадных помещениях и святилищах, располагаясь либо в центре постройки (помещение 10 домовладения «А» и 23/24 домовладения «Д»), либо на одной из центральных осей (12-ти колонный зал зартепинского дворца). При несомненном типологическом сходстве очагов этого типа (наличие подиумов, расположение вблизи от центра помещений и тяготении к комнатам и залам парадного и культового назначения) все они обладают индивидуальными признаками.

Простейшим вариантом очагов типа II являются очаги в виде округлой в плане ямки, выкопанной в полу на глубину до 40 см и имеющей в разрезе цилиндрическую или U-образную форму. Очаги этого варианта обнаружены во всех трех строительных горизонтах (помещения 53, 65, 150, 170 на раскопе 6 и помещение 4 на раскопе 3). Более усложненным вариантом этого типа являются очаги, стенки или края которых укреплены придонной частью хума или его венчиком. Такие очаги встречены в помещениях 116, 138, 173 и во дворе «Б». Еще более сложную конструкцию представляют девять очагов, три из которых открыты в помещениях 3 и 6 на раскопе 12, а шесть других в помещениях 103 (1 очаг), 163 (1 очаг) и 164 (4 очага) на раскопе 6 в домовладениях «В» и «Г». У этих очагов дополнительно появляется обкладка-футляр из сырцовых кирпичей или их частей.

Кирпичи иногда поставлены на ребро, а между ними и стенкой хума находится зола, как, например, в очагах помещений 3 и 6 на раскопе 12. Форма футляров различна и зависит от места расположения очага в помещении. Очаг возле северного угла помещения 103 домовладения «Г» по форме близок к квадрату. Возведенные близ стен очаги (помещения 163 и 164) имеют полуовальный футляр. Однако обнаруженные в помещении 164 очаги, не примыкающие к стене, окружены круглым или близким к овалу кирпичным футляром.

Очаги типа I, как правило, устроены в помещениях с суфами, в то время как очаги типа II преимущественно в помещениях без суф. Это обстоятельство наводит на мысль, что два выделенные типа очагов функционально различны и что очаги типа II, по-видимому, предназначались для бытовых нужд населения, связанных с приготовлением пищи. При этом отсутствие очагов во дворах (единственное исключение - очаг типа II во дворе «Б») предполагает наличие в домовладениях кухонных помещений. Помещения с очагами располагались либо по соседству с открытым двором, либо с переулком, что связано с необходимостью вывода наружу продуктов горения.

Появление очагов типа II (вариант с обкладкой-футляром), судя по результатам работ Советско-афганской экспедиции (Кругликова 1974; Вайнберг, Кругликова 1976; Кругликова 1973), можно отнести, по крайней мере, к великокушанскому времени. Очаги типа I, по-видимому, восходят к алтарям, открытым в храмовых комплексах Дильберджина (Кругликова 1986) и Сурх-Котала (Schlumberger, Verre, Fussman 1983).

Проходы, связывавшие помещения, достигают максимальной ширины 1,25-1,40 м (помещения 98 домовладения «Д» и 78 домовладения «Б»). Минимальная ширина прохода - 0,60 м зафиксирована в помещении 62 домовладения «А». В большинстве комнат ширина проходов составляла 0,80-1 м, реже 0,60-0,80 и более 1 м.. Остатки дверных коробок были обнаружены лишь дважды (в проходе из помещения 125 в помещение 133 I-го строительного горизонта домовладения «В» и в юго-юго-восточном проходе из помещения 2 II-го строительного горизонта на раскопе 12). В обоих случаях деревянные брусья порога, вставленные в специально приготовленные для них пазы в полу перед дверным проемом, сохранились в виде древесного тлена. Редкие находки остатков дверных коробок вряд ли свидетельствуют о столь же редком наличии дверей, учитывая рациональную возможность их повторного использования.

Строительные приемы и материалы, применявшиеся при сооружении различных объектов древнего города в кушано-сасанидский период, демонстрируют устойчивую преемственность в приемах и материалах, известных по раскопкам ранней архитектуры как на Зартепа, так и на других бактрийских памятниках (Пилипко 1985; Пугаченкова,

Ртвеладзе и др. 1978; Кругликова 1986). Использование этих строительных приемов и материалов продолжается на памятниках, возникновение которых приходится именно на кушано-сасанидский период (Седов 1987).

По совокупности признаков постройки, зафиксированные на раскопах 3, 6, 12, можно отнести к разряду рядовых, о чем свидетельствует отсутствие в них живописи, и архитектурного декора, а также редкие находки фрагментов скульптуры. В разделенных «глухими» стенами домовладениях «А», «Б» и «Д» жилого квартала Зартепа по ряду признаков можно выделить парадно-жилые и подсобно-хозяйственные части. При этом парадно-жилые части располагаются в западных-юго-западных половинах домовладений, а подсобно-хозяйственные части, сгруппированные вокруг дворов, – в противоположных восточных-северо-восточных половинах.

Хозяйственная функция дворов не выявлена на Зартепа столь отчетливо, чтобы утверждать, что они служили для приготовления пищи. Скорее дворы играли роль связующего звена между всеми, выходящими в них помещениями. Лишь в домовладении «В» жилого квартала Зартепа и в «малом доме» Дильберджина дворы могли использоваться для приготовления пищи, о чем свидетельствуют обнаруженные в них очаги. Открытые дворы в квартале Зартепа по месту своего расположения в планировке домовладений существенно отличаются от дворов в «рядовых» домах предшествующего периода в Хатын Рабате, Дальверзинтепа и Дильберджине. В тоже время следует отметить, что в зартепинских домовладениях наблюдаются признаки выделенной Г.А. Пугаченковой для богатых домов и храмов композиции «с центральным элементом и его периметральным или П-образным обводом» (Пугаченкова 1973), применимой в данном случае к подсобно-хозяйственной части домовладения «В», двор которого во П-ом строительном горизонте окружен длинными коридорообразными помещениями, правда, лишь с двух сторон.

С той же самой композицией А.В. Седов связывает святилище, исследованное на поселении Ак-тепе II, указав на её широкое использование при возведении разнофункциональных построек (Седов 1987). Это обстоятельство подводит нас к вопросу о роли и месте домашних святилищ в жилой архитектуре кушано-сасанидского и предшествующего – кушанского периодов. В наиболее концентрированной форме признаки, присущие святилищам огня, проявляются именно в кушано-сасанидский период на территории Кушаншахра. Последнее подтверждается раскопками святилищ в жилом квартале на Зартепа (помещение 10 домовладения «А») и на раскопе 1 поселения Ак-тепе II в Кобадiane (Седов 1987). Эти святилища хотя и различаются между собой, но имеют

два основных признака - очаги-подиумы в центре и П-образные суфы, столь популярные позднее.

Зартепинская застройка обнаруживает преемственность в строительных приемах и материалах и отличие в архитектурно-планировочных схемах с архитектурой предшествующего периода (Хатынрабат, Дальверзинтепа, Дильберджин, Кампыртепа). В первую очередь, обращает на себя внимание значительное (в 3, 4 раза) увеличение площади домовладений, составляющих жилой квартал Зартепа, а также иное расположение здесь дворов. Во-вторых, в застройке жилого квартала Зартепа маловероятно наличие переулков и улочек между домовладениями, разделенными «глухими» стенами.

Сравнение с застройкой близких по времени памятников Дильберджин, Емши-тепе и Кохе в Бактрии-Тохаристане и Иране демонстрирует сколь важное значение отводилось внутренним дворам при планировке многоквартирных домовладений. Однако в домовладениях, исследованных на этих памятниках, пока не выделены домашние святилища, подобные зартепинским, а также отсутствуют и, видимо, функционально значимые помещения с суфами Т-образной формы, имеющими прямоугольный выступ.

Сходство застройки на городищах Зартепа и Кохе в Иране прослеживается в планах и близких размерах внутренних открытых дворов и помещений. Об этом же свидетельствует и применение таких сходных строительных приемов, как разделение перегородкой больших помещений на два, и наоборот увеличение площади помещений за счет удаления перегородок, использование суф в качестве порогов-ступеней, стен в качестве суф и суф как стен. Столь близкие параллели в архитектурно-планировочных схемах между жилой застройкой Бактрии-Тохаристана и Сасанидского Ирана можно, видимо, связать с культурными влияниями из Ирана, которые стали возможны после сасанидских завоеваний, приведших к образованию Кушаншахра. Вместе с тем на городище Кохе наблюдается ряд отличий, проявляющихся в интерьере помещений, примером чему может служить сравнительно небольшое количество суф, отсутствие очагов и кухонь, наличие дренажных систем и, возможно, отсутствие домашних святилищ.

Застройка Зартепа обнаруживает сходство с архитектурой сельского поселения Ак-тепе II (наличие домашнего святилища и двора). Впрочем, размеры святилища и двора в Ак-тепе II все же меньше, чем в Зартепа. Расположение многоквартирных домовладений в Аккургане свидетельствует о том, что при их возведении учитывали конфигурацию холма. Аналогичным образом застроены цитадели Кампыртепа и Дильберджина.

Наличие Т-образных суф с прямоугольным выступом в помещениях, вероятно, имеющих особое назначение, (жилой квартал и дворец Зартепа), в дальнейшем становится характерной чертой архитектуры Северного Тохаристана и Согда.

§ 2. Антропоморфная терракота.

Найденные на Зартепа статуэтки по способу изготовления можно разделить на три группы: лепные, оттиснутые в матрицах и сделанные в смешанной технике. Семь статуэток несомненно, принадлежат к кругу изображений, связанных с буддизмом или индийскими культами. Вторая по численности категория статуэток — всадники. Таких фигурок найдено четыре, причем две из них достаточно традиционны для Бактрии-Тохаристана, а у двух других можно отметить появление оригинального головного убора в виде ленты (диадема?). Коллекция терракотовых статуэток из Зартепа демонстрирует преемственность как в образах, так и в технологии изготовления с терракотами Кампыртепа и других памятников Сурхандарьинского региона (Мкртычев 2002; Пугаченкова 1979; Ставиский 1996) кушанского периода и близлежащих территорий Согда (Сулейманов 2000: 191–197), Хорезма (Рапопорт, Неразик, Левина 2000: 38–43) и Маргианы (Пугаченкова 1962).

§ 3. Зооморфная терракота

По способу изготовления зооморфную терракоту Зартепа можно разделить на две группы: изготовленные с помощью матрицы и от руки. Подавляющее большинство найденных фигурок относится ко второй группе. Первую группу составляют налеты на керамике, представленные мордами львов. Большинство фигурок, вылепленных вручную, составляют статуэтки коней. Их сохранность во многих случаях позволяет лишь отнести фрагменты к этому виду животных. На спине только одной из них зафиксировано изображение седла и части сбруи. По отношению к шести фигуркам коней можно с уверенностью говорить, что на их спинах восседали всадники.

§ 4. Фрагменты скульптуры.

В процессе раскопок жилого квартала на Р-6 обнаружены три фрагмента гипсовой скульптуры: головка Будды, нижняя половина женской фигуры в драпированной одежде, и правая рука с кистью, в которой находится округлый предмет, возможно плод. Стиль изображений напоминает произведения гандхарского искусства.

§ 5. Изделия из кости

Самую многочисленную группу (110 изделий) составляют «булавки», причем на 52 из них полностью или частично сохранились навершия. По характеру изображений на навершиях можно выделить четыре группы булавок: антропоморфными навершиями, с

зооморфными, геометрическими и растительного характера. Все они, в свою очередь, подразделяются на типы и варианты. В первую группу включены «булавки» с навершиями, изображающими различные божества, а также с навершиями в виде человеческой руки. Всего в этой группе насчитывается шесть типов. Вторая группа наверший в материалах Средней Азии немногочисленна и подразделена на три типа. Третья — наиболее многочисленная группа включает 8 типов. Четвертая группа к настоящему времени включает в себя всего один тип, навершие которого украшено изображением гранатового яблока. Для систематизации и типологии подобных изделий предложен список индексов: А — антропоморфная, З — зооморфная, Г — геометрическая, Р — растительная. Тогда типы и их варианты можно индексировать следующим образом А7А- ..., Г9А- ... и т. д. Ряд типов существует довольно продолжительный отрезок времени. В группе А к ним относятся типы 4—6, в группе З — типы 1-2, в группе Г — типы 1, 2, 4, 6—8, в группе Р — 1. Более узкие хронологические рамки можно предварительно предположить для булавок типа Г3, 5; 31, пока не встреченных в слоях ранее II—III вв.

В числе других изделий из кости и рога на Зартепа найдены роговой псалий, фрагмент игровой кости, альчик с процарапанным на одной из поверхностей древовидным изображением, фрагмент костяной пластины с циркульным орнаментом, а также два стержня округлой и подквадратной в сечении формы, функциональное назначение которых непонятно. Четыре изделия использовались как рукояти.

Многочисленные находки остеологического материала, в том числе и заготовок для орудий предполагают наличие местного производства, однако никаких следов костеобрабатывающих специализированных помещений на Зартепа пока не обнаружено.

§. 6. Изделия из раковин.

Представлены 13 предметами, в числе которых четыре раковины каури, два кольца, украшенные нарезным орнаментом, пять фрагментов составных браслетов, пронизка ожерелья, и фрагмент дисковидного предмета с двумя просверленными отверстиями неясного назначения. Все эти изделия привезены, видимо, из Индии, что подтверждает большое количество аналогичных предметов, обнаруженных при раскопках в Таксиле (Marshall 1951: vol. II). В Бактрии-Тохаристане аналогичные предметы встречены в погребальных памятниках: в дальверзинском наусе, в могильнике кушанского времени у Ялангтуштепа и в сооружении I на городище Тепаи-шах. Очень близки зартепинским изделиям из раковин и предметы, найденные на городище Дальверзинтепа в буддийском культовом комплексе, который датируют III-IV вв. нэ э.

§ 7. Изделия из металла.

Они разделены на функциональные категории: бронзовая посуда, оружие, украшения и утварь. К числу бронзовой посуды отнесены киафы-черпаки, чаши и флакон. Появление киафов в Азии связано с влиянием греко-римского мира. Чаши подразделены на два типа: полусферические, круглодонные — тип I и блюдцеобразные с вогнутым дном — тип II. Чаши типа I, которые также связаны с влиянием греко-римской культуры, представлены в материалах поселения Ак-тепе II, чаши типа II — на Зартепа и в Беграме. Данные количественного спектрального анализа зартепинских черпаков весьма близки результатам анализов бронзовой посуды поселения Ак-тепе II. Отличительной особенностью зартепинских бронзовых черпаков и бронзовой посуды Ак-тепе II является высокое содержание олова (около 30 %).

В числе изделий из железа на Зартепа представлены пинцеты, ножницы, ключи, наконечник стрелы, пряжка с подвижным язычком и ножи. Пинцеты предварительно разделены на два типа: I — с плечиками и выступом (Ай-Ханум, Кой-Крылган-кала, Тупхона, Зартепа) и II (могильники западной Ферганы) — без плечиков с трапециевидной рабочей частью. Ножницы с U-образной ручкой-пружиной, концы которой образуют 2 треугольных лезвия, аналогичны ножницам найденным в слое Беграм II. Как полагает Р. Гиршман (Ghirshman 1946), изобретение ножниц принадлежит римскому миру. Два железных ключа с трехзубчатой бородкой относятся к очень распространенной категории находок в Бактрии-Тохаристане и Согде. Робинсон, ссылаясь на Плиния Старшего, связывает их изобретение с именем Теодора с острова Самос и называет их ключами лаконикийского типа (Robinson 1941). А.П. Франкфор наметил наиболее важные местонахождения ключей этого типа по всему эллинистическому миру (Francfort 1984). По отношению к данной категории находок можно сделать ряд выводов: 1) ключи лаконикийского типа появились в Средней Азии в результате эллинизации Востока и вследствие привнесения сюда не только греческой технологии, но и самих вещей; 2) бородки ключей имеют от двух до пяти зубьев, что позволяет выделить варианты типа; 3) ключи этого типа изготавливались также из бронзы (Таксила); 4) известны находки небольших ключей такого типа, предположительно предназначенных для шкатулок (Седов 1987); 5) деревянные замки, открываемые этим типом ключей, еще до недавнего времени запирали двери построек в кишлаках Таджикистана (Распопова 1980).

Незначительная выборка ножей из Зартепа, которая подразделяется на две группы — с изогнутым и прямым лезвием — позволяет ограничиться лишь констатацией находок в позднекушанских и кушано-сасанидских слоях.

В группу украшений включены перстни, найденные на Зартепа в количестве трех экземпляров (2 бронзовых и 1 железный), и бронзовый медальон с изображением царя Хувишки.

§ 8. Надписи на керамике.

Пять надписей бактрийским письмом нанесены на сосуды либо тушью, либо прочерчены по сырой глине до обжига. Чтение надписей осуществлено В.А. Лившицем и Н. Симс Вильямсом. Две надписи связаны с верованиями индийского происхождения. Первая из них «эта па<тра> к/для ...», нанесенная черной тушью на плечике кувшина (Livshits, Shkoda 1994), относится к числу буддийских дарственных или владельческих надписей на сосудах, хорошо известных по раскопкам на Каратепа (Вертоградова 1995). Во второй надписи, прочерченной на венчике сосуда типа тагора отчетливо читается «Бог Шива-Виша свидетель...». Нахождение надписей на Зартепа в слоях, относимых к кушано-сасанидскому периоду, в совокупности с другими находками, которые также можно связать с индийскими верованиями и культурами, свидетельствует о том, что какая-то часть населения древнего города, видимо, оставалась в числе приверженцев этих культов, несмотря на то, что политическая ситуация существенно изменилась.

§ 9. Монеты

При раскопках Зартепа найдено 415 бронзовых монет, 354 из которых поддаются предварительному определению. Среди них количественно преобладают кушано-сасанидские (27 экземпляров) и сасанидо-кушанские (111 экземпляров) монеты, являющиеся самыми поздними. Эти выпуски, по-видимому, и обеспечивали рынок Бактрии-Тохаристана в период обживания жилого квартала Зартепа. Второе место по количеству занимают подражания монетам Васудевы, которые насчитывают 108 экземпляров (восемь из них определены предположительно как монеты Васудевы или подражания ему). К чекану собственно Васудевы причислено шесть монет. Двадцать монет отнесены к чекану Канишки III и две к подражанию его монетам. К выпускам Хувишки принадлежат семь монет, причем две из них идентифицируются как подражание его чекану. К чекану Канишки I отнесено тринадцать монет. Редки находки монет Вимы Кадфиза – три экземпляра, тогда как монеты Сотера Мегаса представлены 41 экземпляром. Одна монета отнесена к подражаниям оболам Евкратида и 13 к подражаниям монетам Гелиокла. В подъемном материале найдены две греко-бактрийские монеты, причем на одной из них указано имя правителя – Деметрий.

Находки ранних монет таких, как подражания монетам Гелиокла, Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки I, Хувишки и, возможно, Васудевы вряд ли свидетельствуют об

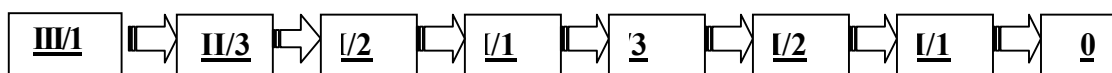
их обращении на рынке. Нахождение этих монетных выпусков в кушано-сасанидских слоях связано со строительной практикой подсыпки грунта в процессе повышения уровней полов.

Выявленная на раскопе 6 стратиграфия позволяет утверждать, что кушано-сасанидские и сасанидо-кушанские монеты не обнаружены ниже стен второго строительного горизонта. Монеты кушаншаха Варахрана I с оборотной стороной e/7 появляются на уровне верхних полов II строительного горизонта. Большое количество сасанидо-кушанских монет (28 экз.) и две монеты, подражающие чекану Васудевы, обнаружены в помещении 22 (домовладение «Д»), в саманной промазке третьего пола, соотносимого с комплексом II/1. Монеты обнаружены на площади не более 2 кв. метров. Второе скопление сасанидо-кушанских монет (24 экз.) и одна кушано-сасанидская монета найдены в помещении 106 (домовладение «Г»), в промазке второго пола, соотносимого с комплексом I/2.

Только одна монета, чеканенная в подражание монетам Васудевы обнаружена в III строительном горизонте (раскоп 6, помещение 172, нижний пол, комплекс III/1). Другие, довольно многочисленные подражания монетам этого правителя, часто находятся вместе с сасанидо-кушанскими и кушано-сасанидскими монетами в тех же стратиграфических условиях.

В главе 4 анализируются кушанские и кушано-сасанидские керамические комплексы Северной Бактрии-Тохаристана. В истории их изучения можно выделить три периода: 1) 1938 - 1952 г. – период ознакомления с кушанской керамикой и поиск путей ее систематизации; 2) 1953 - 1978 г. – период разработки хронологических колонок развития керамики для отдельных районов и памятников Северной Бактрии-Тохаристана и соотношения этих колонок друг с другом; 3) с 1979 по настоящее время – период выявления и характеристики керамических комплексов как устойчивого набора признаков и определения хронологии этих комплексов.

Стратифицированные комплексы внутри строительных горизонтов выделены по уровням полов, соответствующих определенным этапам обживания домовладений и хозяйственной деятельности после их оставления (ямы, комплекс 0), что схематически выглядит следующим образом:

При отборе материала для этих стратиграфических комплексов учитывалась только керамика, лежавшая на полах. Фрагменты посуды из заполнений и забутовок помещений в работу не включены. Большое количество целых форм найдено на Р-6 в помещениях 4, 45,

119, 121, 122, 124, 127, 141 и 159, 168, обитатели которых оставили на полах много целой и разбитой посуды. Причины этого явления пока не совсем понятны, учитывая, что среди сосудов встречаются целые формы, пригодные для дальнейшего использования. Эти скопления керамики и составляют основу выделяемых микрокомплексов.

Основная часть посуды изготовлена на гончарном круге. Исключение составляет кухонная керамика, крупные сосуды для хранения запасов воды и пищи (хумы и хумчи), часть хозяйственной посуды (некоторые виды тагора), а в самых поздних комплексах (I/2, I/1 и 0) появляется незначительное количество столовой посуды, изготовленной от руки. В общей сложности лепная керамика составляет от 12 до 24% от общего количества посуды в отдельных комплексах.

Ведущее место среди гончарной продукции Зартепа занимает красноглиняная керамика (от 84 до 91%). Доля сероглиняной посуды незначительна, причем её производство все время сохранялось (если в комплексе II/3 она составляет 14,8% от общего количества керамики, то ко времени комплекса I/1 её количество сокращается до 4%). Основная масса столовой и хозяйственной посуды изготовлена из хорошо отмученного теста с минимальными добавками.

На примере зартепинских керамических комплексов можно проследить постепенное исчезновение «старой» - великокушанской традиции и появление «новой», не имеющей прочной связи со «старой школой», что привело к частичной утрате некоторых прежних технических приемов ремесла. Это выразилось в появлении новых фактурных групп керамики, а также сосудов с плохим качеством теста и ангоба. Некоторые сосуды имеют пористый и слоистый черепок. Наряду с высококачественным ангобом появляется ангоб, легко отслаивающийся от стенок сосудов. У некоторых чаш отмечен новый прием нанесения ангоба - размазывание тряпкой пачкающего красно-коричневого ангоба. Помимо этого, в комплексах встречается посуда плохого обжига (в основном хумы и хумчи). Ее черепки имеют в изломе серо-зеленый или серо-коричневый оттенок, плохое качество обжига, в тесте присутствует большое количество гипса и песка.

Весь керамический материал, исходя из наиболее вероятного использования той или иной формы в быту, разделен на четыре функциональные категории: столовая, хозяйственная, кухонная и сосуды, предназначенные для освещения. При отнесении форм к этим категориям учитывались размеры, характер примесей, способы орнаментации и отделки поверхности сосуда.

Анализ комплексов III/1 – 0, выделенных на основе микростратиграфии «жилого квартала» (Р-6), дает возможность проследить процесс вытеснения «великокушанской»

традиции и последовательность появления признаков кушано-сасанидской керамики. Изменения в составе керамики происходили постепенно. Комплекс III/1 по составу форм, элементов декора и технологии изготовления демонстрирует признаки, характерные для «великокушанской» традиции. В комплексах II/3 - II/2 датирующими являются: ойнохой, кубковидные чаши с «перехватом», хумы типа III и курильницы на зооморфных подставках, распространенные позднее и характерные для кушано-сасанидских комплексов. Для комплексов II/3 - II/2 характерно: плотное ангобное покрытие, сплошная окраска чаш VIa типа, чаши с реберчатым краем (тип VII), высокие чаши с загнутым внутрь краем и исключительное использование гончарных светильников I и II типа. Эти показатели свидетельствуют о сохранении в комплексах II/3 - II/2 части «великокушанской» традиции (Болелов 2002; Литвинский, Седов 1983, Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978).

В комплексе II/1 появляются новые признаки кушано-сасанидской керамики: кувшины, подражающие металлическим изделиям, выступы-шишечки на ручках кувшинов, чашевидные гончарные крышки и налесты в виде мордочек львов. Одновременно несколько ухудшается качество ангобного покрытия, изменяется способ окраски чаш VI типа, увеличивается ассортимент лепной посуды. В то же время в комплексе II/1 появляются признаки характерные не только для кушано-сасанидской, но и для раннесредневековой керамики: чаши с «бортиком» (тип III), кувшины с шевронами, лепные светильники, использование сетчатого и арочного лощения (Аннаев 1988, Mizuno 1970).

В комплекс I/3 список признаков кушано-сасанидской керамики увеличивается за счет появления лепных курильниц. Начиная с комплекса I/2, изменения в составе керамики характеризуются появлением признаков керамики, характерных для раннего средневековья: (налестной орнамент, грубые лепные хозяйственные горшки, гончарные светильники с узким устьем (тип III)).

Таким образом, взаимовстречаемость в керамических комплексах Зартепа признаков великокушанской и кушано-сасанидской гончарной традиции дает «ранний» этап развития кушано-сасанидской посуды. Комплексы, в которых преобладает сочетание кушано-сасанидских и раннесредневековых признаков гончарной традиции, следует отнести к позднему этапу развития кушано-сасанидской глиняной посуды.

Все признаки, присущие кушано-сасанидской керамике можно разделить на три большие группы:

1). Признаки, сопровождающие керамику на протяжении всего времени существования кушано-сасанидских комплексов, и распространенные во всех районах Бактрии-Тохаристана: кубковидные чаши с «перехватом», тагора с витыми ручками, двуручные амфоровидные кувшины, ойнохои, курильницы на зооморфных подставках. Эти признаки являются хронологическими индикаторами для определения кушано-сасанидских комплексов в целом.

2). Признаки, отражающие особенности керамических «школ» различных районов: двуручные столовые тагора (в Кобадiane); кубки-чаши с двумя ручками, зооморфные ручки с головками бычка и льва (в Вахшской долине); двухъярусные светильники (Средняя Амударья), столовые тагора с загнутым внутрь краем и круглые налпы в виде масок львов (Притермезский район), зооморфные ручки в виде обезьянок и кабанчиков (Притермезский район и Левобережье Амударьи).

3). Сочетание групп признаков, на основе которых можно проследить относительную хронологию кушано-сасанидских керамических комплексов. Эти группы признаков позволяют выделить из общей массы комплексов наиболее «ранние» и наиболее «поздние». К раннему этапу относятся: два периода дворца и комплексы III/1, II/3-II/2 на Р-6, период Шор-тепе V; V-VI периоды храма (Дт-7) на Дальверзин-тепе, слои Кобадиян III(?) -IV и IV стратиграфический горизонт Явана (для них характерно сочетание великокушанских и кушано-сасанидских признаков керамики).

Наиболее «поздними» в относительной хронологической колонке кушано-сасанидских керамических комплексов следует считать: комплексы I/2(?) -0 Р-6, материал из Аккургана, Ак-тепе II, Дарахша-тепе, III период Жига-тепе, два нижних периода Чакалак-тепе, а также IV-V периоды раскопа VIII и дом ремесленника, а также цитадель в Дильберджине (для них характерно сочетание раннесредневековых и кушано-сасанидских признаков). Остальные комплексы, существующие в пределах этих периодов (или границ), при данном состоянии изученности микростратиграфии, пока трудно синхронизировать.

С влиянием сасанидской культуры можно связать, появившиеся в кушано-сасанидское время, кувшины и ойнохои с очень узкой горловиной, некоторые виды миниатюрных кувшинчиков, чашевидные гончарные крышки, кувшины с «шевронами», витые ручки, светильники с узким устьем (Ricciardi 1967) и курильницы на зооморфных подставках. Большое количество чаш своими формами, размерами, декором и имитацией следов техники двойного слоя повторяют сасанидские металлические прототипы.

Сасанидские параллели прослеживаются также в налечах на глиняной посуде, один из которых, воспроизводящий царственную особу, имеет украшенную диадему на лбу как на штукном бюсте Шапура II, обнаруженном в Хаджиабаде (восточный Фарс, Иран) (Azarnoush 1994). Учитывая погрудное изображение сасанидского кушаншаха на стенке чаши из Яванского городища, головной убор которого украшен мордой льва (Древности Таджикистана. 1985), можно отметить тенденцию украшения керамики этого периода изображениями царственных особ, истоки которой восходят к Ирану. Еще один налеч обнаружен под ручкой римского по форме кувшина. Глиняные чаши, украшенные мордочками львов, возможно, воспроизводят стеклянные чаши, известные по раскопкам в Западной Европе (один из сосудов обнаружен в погребении вместе с монетой римского императора Максимиана 286-305 гг.) (Isings 1964) и в могильнике Джалпак-Дёбё в Алайской долине Киргизстана (Абетеков 1981; Памятники культуры и искусства Киргизии 1983). Сасанидский Иран в этом случае мог способствовать проникновению римских культурных влияний в Бактрию-Тохаристан.

Инновации и подражания в керамике кушано-сасанидского периода демонстрируют сильный культурный импульс из сасанидского Ирана, отражающий тенденции развития династической доктрины Сасанидов и смену культурной доминанты в Бактрии-Тохаристане. Начальная стадия формирования сасанидской тореvтики относится исследователями, опирающимися на независимую от кушано-сасанидских монет хронологию самих блюд, к периоду между 270-290 гг. Внедрение характерных элементов сасанидских прототипов в керамическое производство Бактрии-Тохаристана происходило либо в это время, либо с некоторым опозданием при сохранении многих черт керамической традиции, сформировавшийся в великокушанский период.

В заключении суммированы основные выводы исследования, рассматриваются проблемы хронологии и некоторые вопросы политической истории Бактрии-Тохаристана.

В настоящее время существуют две основные трактовки политических событий, происходивших в Бактрии-Тохаристане в III-IV вв.: часть исследователей склонна соотносить первые походы Сасанидов в Бактрию-Тохаристан со временем правления Арташира I и новой эрой, начинающейся в 233 году (Cribb 1999; Sims-Williams 1999), тогда как другие связывают образование Кушаншахра под властью Сасанидов с правлением Шапура II (309-379 гг.) (Göbl 1999) или несколько ранее. Известно уже несколько сасанидских монет, отчеканенных в Балхе в правление шаханшаха Варахрана II (272-276 гг.), что в совокупности с надписями по новой эре предполагает захват кушанских территорий при Арташире I. Однако свидетельств постоянной чеканки

сасанидских монет в Бактрии-Тохаристане до сих пор не обнаружено. Надпись Шапура I на Каабе Зороастра подтверждает то, что Сасанидам пришлось приложить немало усилий для организации политического статуса новых территорий. Весь выявленный при раскопках облик культуры Бактрии-Тохаристана демонстрирует сохранение и дальнейшее развитие кушанских культурных компонентов (строительные приемы и материалы, технология изготовления посуды и ряд ее форм, буддийские мотивы, надписи бактрийским письмом с упоминанием индийских божеств), что говорит о некоторой автономии этой территории. Монетный чекан также демонстрирует сохранение ряда кушанских элементов. Предполагаемое прекращение чеканки кушано-сасанидских монет после 320 г. н. э. (Cribb 1999) требует дополнительных обоснований, так как реверсы некоторых монет повторяют реверсы поздних выпусков Шапура II. В найденном недавно кладе кушано-сасанидских монет (Халач, Туркменистан) выявлены новые их типы (Смирнова 2004), что свидетельствует в пользу расширения хронологических рамок кушано-сасанидского периода. Состав клада в Тепе Мараджан также говорит о возможности расширения этих рамок до конца IV в. н. э..

Определение хронологии кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монетных выпусков, обеспечивавших рынок Бактрии-Тохаристана, является насущной задачей и при окончательном ее решении позволит детально разработать микрохронологию поселений и комплексов.

Стратифицированные керамические комплексы городища Зартепа показывают, что сасанидские инновации и подражания им фиксируются на протяжении существования обоих верхних строительных горизонтов, достигающих толщины 1,2 м при общей мощности культурных напластований в центральной части городища не более 5,5 м. Это обстоятельство совершенно не учитывается сторонниками короткого (40-50 лет) обращения кушано-сасанидских монет.

Таким образом, развитие культуры Бактрии-Тохаристана в кушано-сасанидский период показывает плодотворный синтез двух культурных доминант – кушанской и сасанидской, приведший к образованию новой культуры, формирование которой продолжалось не менее 100-130 лет.

Список опубликованных работ.

1. Завьялов В.А., Осипов В.И. 1976. Раскопки жилого комплекса на городище Зартепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Ленинград. Наука: 51-58.
2. Завьялов В.А. 1977. К характеристике внутренней структуры кушанского города // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья" (Пенджикент, октябрь 1977 г.). Л. Наука: 46-47.

3. Завьялов В.А. 1979. Кушанский медальон с изображением Хувишки // УСА. Вып. 4. Л. Наука: 86-87.
4. Завьялов В.А. 1979. Зартепинский археологический комплекс позднекушанского времени // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Т- ВНС. Ташкент ФАН: 16-19.
5. Завьялов В.А. 1979. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975-1976 гг. // СА 3. М. Наука: 141-154.
6. Завьялов В.А. 1981. Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе // КСИА. Вып. 167. М., Наука: 65-69.
7. Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. 1985. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени /По материалам Зар-тепе/ // ВДИ 4. М. Наука: 111-121.
8. Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. 1985. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА 4. Москва. Наука: 202-211.
9. Завьялов В.А., Мешкерис В.А. 1985. Бактрийский музыкант с флейтой Пана // Общественные науки в Узбекистане. N 1. Ташкент. Фан: 52-55.
10. Завьялов В.А. 1986. Культура позднекушанского города /по материалам Зар-тепе/ // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IY в. до н.э. - VIII в. н.э.). Т- советско-французского коллоквиума. Ташент. Фан: 38-40.
11. Zav'jalov V.A., Meskeris V.A. 1986. Zur Darstellung eines baktrischen Musikanten mit Panflote Das Altertum // Bd. 32. Heft 3: 174-176.
12. Завьялов В.А., Никоноров В.П., Устинова Ю.Б. 1987. Новые аспекты эллинизации Востока // ВДИ. 4. М. Наука: 187-191.
13. Завьялов В.А. 1989. Культурный слой в стратиграфической и топографической характеристике и дифференциации поселений и городов Средней Азии // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии") Т- Ташкент Фан:15-16.
14. Завьялов В.А. 1990. Рец. на: Седов А.В. "Кобадиян на пороге раннего средневековья" // МАИКЦА. Вып.17. М., Наука:171-179.
15. Завьялов В.А., Галибин В.А. 1990. Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зар-тепе // КСИА. Вып. 199. М. Наука: 95-101.
16. Завьялов В.А. 1991. Кушаншахр в конце III -середине IV вв. Трансформация кушанской культуры под влиянием культуры Сасанидского Ирана // Мерв в древней и средневековой истории Востока II: культурные взаимодействия и связи. Т- Ашгабат. Ылым: 36-39.
17. Завьялов В.А. 1993. Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени // КСИА. Вып. 209. М. Наука: 31-41.
18. Zavyalov V.A. 1993. Ref: Guillaume (O.) et Rougeulle (A.) Fouilles d' Ai Khanum VII. Les petits objets. MDAFA, tome XXXI 1987 // Syria LXX 3-4 Paris: 589-591.
19. Завьялов В.А. 1994. Факторы прогресса в период среднеазиатской античности // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. Санкт-Петербург: 44-47.
20. Zav'yalov V.A. 1994. Zar-tepe: a kushanian town in Southern Uzbekistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg: 67-74.
21. Завьялов В.А. 1995. К вопросу о происхождении статуэтки Будды из Хельго // Археологические вести No. 4. С-Петербург. "Петро-РИФ": 137-142.
22. Завьялов В.А. 2005. Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике. В печати.